

ГЛАГОЛИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ ОДНОГО ИЗ АПОКРИФОВ
ОБ АВРААМЕ. — «СМЕРТЬ АВРААМА»¹

Среди хорватских глаголических рукописей нелитургического содержания выделяются сборники. Они содержат разнообразный материал, представляющий интерес своими старыми и редкими текстами.

Степень изученности глаголической рукописной традиции до настоящего времени сравнительно невелика. Это относится не только к проблеме происхождения глаголической письменности, оформления рукописей, но также и к ренегату текстов. Особое внимание привлекают сборники нелитургического содержания с сюжетами средневекового чтения. Появление таких памятников на хорватской территории относится к XIV в. В хорватские глаголические сборники включены морально-поучительные рассказы, светские легенды, апокрифы, жития, церковные проповеди, духовные песнопения и т. д. Такие сборники являются важнейшим источником хорватской средневековой письменности и значительно расширяют круг представлений о средневековом чтении в Хорватии. В этом отношении привлекает особое внимание сборник № 5 из собрания хорватского священника-глаголяша, филолога, академика Югославянской Академии наук и искусств Ивана Берича (1824—1870), хранящегося в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Хорватская средневековая книжность, к которой относится сборник нелитургического содержания, представляет собой особую разновидность прозы с духовным сюжетом. Таких глаголических памятников, получивших распространение в XV и XVI веках, от средневековья до наших дней дошло лишь незначительное количество. В настоящее время их учтено всего 17. Из них к наиболее известным сборникам XV века относятся семь. Они находятся в разных европейских хранилищах (основная часть — в хорватских). Это так называемые 1) Иваницhev сборник XIV—XV вв. (Загреб, францисканский монастырь Св. Ксаверия III ордена); 2) Виндольский сборник нач. XV в. (Загреб, Архив Хорватской Академии наук, Ша 15); 3) Петрисов сборник 1468 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-04-00183а).

(Загреб, Национальная и университетская библиотека, NSB R 4001); 4) Оксфордский сборник (Оксфорд, Bodleian Library, Ms. canon. lit. 414); 5) Сиенский сборник (Сиена, Bibl. comunale, Ms. X.VI.13); 6) Колуничев сборник 1486 г. (Загреб, Архив ХАЗУ (Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti) Ша 51) и 7) сборник собрания Берчица (С.-Петербург, РНБ, Берч. № 5). К настоящему времени издан только один — Колуничев.²

По своему составу и полноте среди них выделяется именно сборник собрания Берчица № 5, который содержит ценный ряд редких текстов, представляющих большой научный интерес. Они являются и наиболее полными из всех известных подобных глаголических текстов. Большое значение имеет и то, что они сосредоточены в одном кодексе, что делает его особенно важным.

Сборник Берчица № 5 содержит апокрифы, жития, видения, поучения, катехизические тексты, гомилии и др. Каждый из его текстов заслуживает самостоятельного исследования, тем более что ряд текстов этого сборника находит свое соответствие и в кириллической традиции. При текстовологическом исследовании его текстов и сопоставлении их с аналогичными текстами кириллической традиции удалось установить, что, например, апокрифические тексты как глаголической, так и кириллической традиции имеют одни и те же греческие корни и восходят к общим источникам.

Из текстов, сохранившихся в поздних списках (XV, XVI вв.), некоторые заслуживают специального внимания, и это, в первую очередь, апокрифы. Апокрифические тексты занимают в христианской литературе особое место. Обширная апокрифическая литература получила широкое распространение, стала органической составной частью раннехристианской литературы и оставила свой след в разных областях духовной культуры: в фольклоре, искусстве и др.

Апокрифические сказания, которыми весьма богата византийская литература, были среди общего числа произведений, пришедших к южным славянам из Византии. Несмотря на то что апокрифические чтения довольно рано попали в индексы запрещенной литературы, они распространились в славянских землях вместе с христианством, становясь чтением интернациональным. Когда это произошло, нельзя сказать определенно. Во всяком случае, уже при царе Симеоне (893—927), в «золотой век» болгарской книжности, уже существовал переведенный с греческого список «запрещенных» книг, что само по себе говорит о бытовании славянских апокрифов.³

В старую хорватскую литературу апокрифы пришли главным образом из двух основных источников — более богатого греческого и менее обильного латинского.⁴ В глаголической традиции апокрифиче-

² Valjavec M. Kolunicev zbornik: Hrvatski glagolski rukopis od godine 1486 // Djela JAZU (Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti). Zagreb, 1892. Knj. XII, (265 str.).

³ См.: Grubar B. Iz problematike slavenskih apokrifa // Симпозиум 1100-годишница od smrti na Kiril Solunski. 23—25 maj 1969 Скопје. Скопје, 1970. Knj. 1. S. 92.

⁴ B. Грабар считает, что только Никодимово Евангелие было переведено в Хорватию с латинского языка.

ские сюжеты появились главным образом через южнославянского посредника — из южнославянских списков, реже — непосредственно из Византии.

Необходимо отметить, что, придя из Византии, апокрифы, переведенные на славянские языки, остаются важными не только для изучения славянских литератур, но и для византистики.

Первоначально многочисленные апокрифические тексты были переведены в Македонию и Болгарию, поскольку эти земли имели наиболее тесные политические и культурные контакты с Византией и отсюда уже пришли в Хорватию. В Хорватии они обрели жизнь и в глаголической традиции. Здесь, как и вообще в католической традиции, они обнаруживаются в Бревиариях и являются первыми литературными произведениями нелитургического характера.

Одним из наименее изученных является ветхозаветный апокрифический цикл, и особенно его немногочисленные тексты эсхатологического характера, повествующие о расставании души с телом, о суде над душами и их мытарствах, о райской жизни душ благочестивых и муках грешников. К этой группе апокрифов относятся не только тексты на ветхозаветные и раннехристианские темы, такие как смерть Авраама, вознесение Исайи на седьмое небо, видение апостола Павла. Сюда относятся и такие распространённые сюжеты, как, например, хождение Богородицы по мукам, мытарства св. Теодоры, видения свв. Макария, Нифонта, Андрея Юродивого и Ивана Милостивого и др.

Среди ветхозаветных апокрифов такого рода одним из наиболее важных является апокрифический цикл о праотце Аврааме.⁵ Он состоит из нескольких самостоятельных сюжетов: «Откровение Аврааму», «Смерть Авраама», «Слово Авраама», «Авраам и Сарра» и др. Из них можно выделить один, дошедший до настоящего времени как в греческом, так и церковнославянском вариантах. Это «Смерть Авраама» в переводе с греческого ориниана,⁶ известный апокриф, в котором рассказывается о том, как архангел Михаил вознес Авраама на небо, откуда он увидел «двое врат», малые и большие. В одни из них — малые — входили праведники, а в другие — большие — грешники. Увидел Авраам и беззаконие на земле, суд над грешниками и их страдания. Завершается текст смертью Авраама. В разных версиях этот апокриф имеет и разные названия: «Смерть Авраама» или «Апокалипсис Авраама». Эти мотивы ада и рая оказали наибольшее влияние на отечественную культуру.⁷

Хотя в последние десятилетия можно наблюдать возвращение — после длительного перерыва — внимания русских исследователей к апокрифическим темам,⁸ однако не все группы апокрифов привлекли

⁵ Канонический рассказ об Аврааме содержится в 12-й и 15-й главах Бытия.

⁶ Греческий текст опубликован А. Василевым, см.: *Anecdota graeco-byzantina, pars prior*, Mosquae 1893, P. 292—30, и в том же году его опубликовал Р. Джеймс: *James R. The Testament of Abraham*, Cambridge, 1983.

⁷ См.: Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 189.

⁸ Словарь юнжников и близости Древней Руси. Вып. I: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 40—67, 129—131, 146—147, 266—268 и др.; Гримова М. И. Кистолкова-

внимание ученых в равной степени. Менее изучены ветхозаветные апокрифические тексты, и в том числе «Смерть Авраама».

Рассказ о смерти Авраама встречается в ряде кириллических рукописей. Известно несколько русских списков (наиболее ранние из них): XIII в.,⁹ XV в.,¹⁰ XVI в.,¹¹ сербская версия XIV в.,¹² болгарский список XVI в.,¹³ украинский список XVIII в.,¹⁴ и список, написанный особым видом кириллицы — босанчицей (употребляемой мусульманами в Боснии и Хорватии) и вошедший в *Libri od mnozjeh gazloga* 1520 г., и другие более поздние списки.

Апокриф «Смерть Авраама» встречается не только в кириллической традиции, но и в глаголической. В глаголической традиции этот сюжет известен по четырем сборникам: в краткой редакции он включен в сборники Петрисов (1468 г., л. 241—243),¹⁵ Тколекский (нач. XVI в., л. 49v—54)¹⁶ и Берчица № 5 (XV в., л. 41v—43v). Их тексты достаточно близки по содержанию (в кратких версиях текста апокрифа описывается только само видение Авраама, его смерть и вознесение к вратам райским). Наиболее полный текст известен по Оксфордскому сборнику (XV в., л. 13c—16a),¹⁷ и он наиболее близок к кириллическим текстам.¹⁸ В конце 1980-х годов акад. Аница Назор, директор Старосла-

вно апокрифа о сотворении Адама // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 255—261; Смольникова Л. П., Мильков В. В. 1) Апокрифы в религиозной и учебной жизни Руси периода ее христианизации // Периодические заметки философской мысли в Древней Руси. М., 1992. С. 44—77. 2) Апокрифическая «Беседа трех святителей» в Древней Руси и ее идейно-мировоззренческое содержание // Общественная мысль: наследования и публикации. Вып. III: Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997. С. 149—164; Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. и др.

⁹ Тихопритов Н. С. Апокрифические сказания // Сб. ОРЯС. СПб., 1894. Т. LVIII, № 4. С. 1—8 (Рукопись собр. П. И. Севастьянова № 27, текст опубликован кириллицей с большими погрешностями)

¹⁰ Лавров П. А. Апокрифические тексты. СПб., 1899. С. 78—81. (Сборник Павлова монастыря на Афоне № 109, текст опубликован кириллицей)

¹¹ Тихопритов Н. С. Памятники отечественной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 79—91.

¹² Рукопись Белградской Народной библиотеки № 104, л. 63 об.—68 об.; Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в византийской и русской письменности (Списки памятников). Вып. I: Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921. С. 96.

¹³ Стари болгарски литература. Т. 1: Апокрифи / Сост. Д. Петканова. София, 1981. С. 96—98, 362 (два кратких варианта, текст опубликован кириллицей).

¹⁴ Фрашки П. Апокрифи і петиції з українських рукописів. У Львові, 1906. Т. IV. С. 104—109 (Украинская рукопись XVIII в., текст опубликован кириллицей).

¹⁵ Некоторые тексты латиницей, некоторые кириллицей. Текст апокрифа «Смерть Авраама» из Петрисова сборника опубликован В. Ягичем кириллицей: *Jagić V. Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga* // Arhiv za povijestnicu jugoslavensku. 1868. Knj. 9. С. 89—91.

¹⁶ Текст апокрифа опубликован: *Strohal R. State hrvatske apokrifne priče i legende*. Београд, 1917. С. 57—60. Целиком сборник опубликован недавно (единственный из перечисленных): *Tkoński zbornik: hrvatskoga i srpskoga tekstovi iz 16. stoljeća*. Transliterazio i popratne tekstove napisao Slavomir Šambunjak. Ткоп, 2001.

¹⁷ Фрагмент апокрифа из этого сборника (до начала чтения текста о видении и смерти Авраама) опубликован латиницей: *Grabar V. Avramova smrt* // Hrvatska književnost srednjega vijeka: Od XII. do XVI. st. Zagreb, 1969. S. 168—173.

¹⁸ См.: Тихопритов Н. С. Памятники отечественной русской литературы. Т. 1. С. 79—81.

вианского института в Загребе, обнаружив еще одну полную — пятую версию апокрифа XVI в. в Городской Библиотеке Сиены в рукописи *Dialoghi tradotti in lingua e scritti in caratteri della medesima lingua* (л. 150—155).¹⁹ Тексты глаголических сборников XV в. относятся к одним из ранних списков.

Глаголический вариант текста апокрифа о смерти Авраама содержится в сборник собрания И. Беричча РНБ — Берч. № 5. Это глаголический памятник XV в., сборник разнообразного средневекового чтения. Происходит он из окрестностей Задара и содержит целый ряд представляющих большой научный интерес редких текстов.

Сборник состоит из 78 листов, 8 (15,7 × 12 см). Язык его церковнославянский хорватской редакции. Тексты написаны пятью писцами. Начало и конец первого и последнего текстов отсутствуют. От последних листов последней сохранившейся тетради остались лишь незначительные фрагменты. Сборник весьма насыщен разными чтениями, помимо апокрифов, в него одновременно вошли и ортодоксальные тексты, наиболее важными из которых являются: проповедь блаженного Иеронима о судном дне, трактат о трехах и исповеди, чтение о близких сестрах: Анне — матери Девы Марии и Марии — матери Иоанна Крестителя, слово Иоанна Златоуста «О суетной жизни» и проповедь на Рождество Богородицы с чтением из книги «Есфирь». Каждый из этих текстов заслуживает самостоятельного научного исследования.

Апокрифы составляют важную часть кодекса. В него вошли, помимо апокрифа о смерти Авраама, апокрифические тексты: о конце света, житие св. Мавра, о св. Макарии, житие Евстафия Плакиды, о св. Алексее, о деяниях апостолов Андрея и Матфея в граде людоедов, видение св. Бернарда, прения дьявола с Господом. Эти же апокрифические сюжеты можно проследить и в кириллической традиции. Интерес представляет проведение их параллельного текстологического исследования, на основании которого можно говорить об общем источнике их происхождения.

В хорватской глаголической литературе известно всего три ветхозаветных апокрифа: «Смерть Авраама», «Смерть Варуха» и «Житие Адама и Евы». Как и большинство апокрифов на ветхозаветные темы, «Смерть Авраама» изучена мало. Редки и его переводы. Задачей настоящей публикации является введение в научный оборот еще одного текста апокрифа о смерти Авраама, поскольку для детального изучения сюжета необходимо введение в научный оборот всех существующих его списков. Данный текст из сборника Беричча близок, как уже было указано выше, к текстам из Петричево и Ткопского сборников.

Публикуем здесь транслитерацию латиницей текста глаголической версии апокрифа о смерти Авраама из сборника собрания И. Беричча (л. 41v—43v).²⁰ Для сравнения глаголической и близкой к ней русской версии параллельно приводим соответствующий текст из памятника

¹⁹ *Nicola A. Jol* jedan glagoljski tekst apokrifa o Abrahamovoj smrti // *Filologija e literatura nei paesi* (Studi in onore di Sante Gracioti). Roma, 1990. P. 55—63.

²⁰ Знак *af* указывает деление на строки, знак *af* — переход текста на новый лист или его оборот.

кириллической традиции,²¹ переведенного с церковнославянского на русский язык Л. Н. Смольниковой.²² Уже при простом параллельном сопоставлении явно видна текстологическая близость текстов, позволяющая говорить о едином источнике их происхождения.

Авраамовы врата

Kada v(î)dě Avraamu d'voě vrata, mala i v(ě)(i)ka,
I aedě / m(u)dŕ; a. (=1) pri malchv vratch'.

Тепе се плакате, i paki s'měšče. I b(î)še plač' voče sed' meroceju s'mělu.

I (čěc) b(la)ž(c)ni Mihaïl' / ku Avraamu
«Ne z'maeši li ga», I (čěc) Avraam': «Ne znaju,
G(ospod)ŕi».

I (čěc) Mihaïl': / «Vidiš' li oboč v'rata,
velika i mala. Še bo esu is'ku mala /
vrata. S'kozi te v(a)vodet' se pravdnici v' život'
věč'nin».

A / v(ě)lika vrata, ka vidiš'
lěmi v(a)vodet' se grěšnici v' muke /
věč'ne. Mnog' esu v' hodeče nima v' pagulu.
I si č(lově)ku, koga vidiš' sedeca,
to č(stu) Adama pr'vi č(lově)ku,
koga B(og)u stv(ot)il. I p(ověd)e ja na
nes'to še viditi v'se d(u)še is' hodeče.
I ot togo / esu v'si (ljudi) roeni.

Kada ga vidiš' s'mějuči se, razumŕi /
tag'da, vid'ty d(u)še nikie us'kimi v'rati v' ho-
deče v vēč'ni / pokoi v' radost' bes'kon'č'noju.

A kada ga vidiš' plachuči se, /
razumŕi tag'da, vidiš' d(u)še mnoge
greduče velikimi / vrati v' pagulu i v'
muke vēč'ne.

A ča odolěva plač' / v'mělu
sed' meroceju, to věče, sed' meroceju
d(u)š; g'reduči / v' pagulu».

I (čěc) Avraam': «Da ne mogu li č
poiti i'kozi tes'n(a) vrata».

Смерть Авраама

И, поможясь, Авраам увидѣл двое ворот
сперху, одни маленькѣе, а другѣе великѣе.
Посреди же обоча ворот стоял муж вели-
кий на престоле славы ликовѣи, и народъ [со-
стоящій и] ангеловъ окружалъ его.

«Это же [с:] муж и плакал и смеялся так, что пла-
ча было больше, чем смеха».

И сказал Авраамъ Михаилу: «Кто ты,
глаголюи, стоящій на престоле посреди
обоча ворот с' такою славою, и народъ [с'у-
стоящій] ангеловъ стоитъ передъ нимъ? Пла-
четъ же [он] и смеется, и плача же больше сме-
ха в семь разъ».

Сказал Михаилъ Аврааму:

«Не знаешь ли это?» Сказал же Авраамъ:
«Да, господи».

Сказал Михаилъ: «Идиши ли эти ворота,
великѣе и малѣе?»

«Эти ворота вводятъ в жизнь,

а широкое пространство — в смерть».

А этот муж —

Адам, первый человек,
его же Богъ сотворил. И пришел [Бог] его
[Адама] на место это, [чтобы] видеть все ду-
ши, исходящие изъ тел. [Люди] от него [Ала-
ма] все [происъшли].

И когда видишь его смеющимся, то пони-
май, что онъ видитъ души, которыхъ ведутъ в
жизнь,

а когда видишь плачущего,
то понимай, что [он] видитъ души,
которыхъ ведутъ на смерть».

А плача больше [чем] смеха в семь разъ,
понимай, что большую часть мира [исчелет]
[он] видитъ идущего на смерть».

И поэтому побуждаетъ плача смехъ в семь разъ.
Сказал же [с:] Авраамъ Михаилу: «Да не могу
ли я пройти черезъ узкие места воротъ и не
могу ли я идти в жизнь?»

²¹ Текст списка Троице-Сергиевой лавры (№ 730, XVI в. Л. 2—10 об.), ивант Н. С. Ти-
мирязовым: Памятники стареческой русской литературы. Т. 1. С. 84—87, 88—89.

²² Смерть Авраама / Пер. Л. Н. Смольниковой // Апокрифы Древней Руси. М., 1997.
С. 100, 103—104.

I v' splaku se Avraam i (e)ki, «Uvi m' ne, Č'to stv(o)ru / (...) bo ē bo s'z'ni, č'(lo)več'ka t'žaki, t'loma. Da ne mogu priti s'kozi tes' na v'rata. Ne ne mogu, raz'v'e dite i. (=10) i(č)ti / i mlačeč'».

I otvēčav' Mihovil' r(če) k Avraamu: «Ne s'kr'bi o(t)č'e, //

ti ugodi' esi B(og)u, ti edin' v' lizeš' vani. I v' si podobni / i (e)bi. A m'nozi ot mira s'kozi velika vrata idu' v' pagubu. /

I v' toč' Av'raamu.

I se ēvi se v' ti č'm' anj(e)ti. I r(č)e: "Iz'reneš' d(u)š'u / z.dam' (=7) s'kozi

široka vrata v' muke v'eč'ne. I edina t'm'o č'tet' se tisuč' tisuč'a tisuč'e»

Oče an'j(e)ti, ta dr'ž'že ed'nu d(u)š'u i nošaše ju v' rukah' svoih.

I vag' na v' ni omu z. (-7) tamo d(u)š'u va v'rata velika i široka pak'lena.

I r(če) Avra'm' k' Mihovilu:

«D(u)š'u ku dr'ž'it' anj(e)ti, č'to buđ(e)ti ot neč'a»

I r(če) Mihovil'

«Semi'ti, vedet' ju na sud'ne mes'to da sudit' ju sudac' / v'eč'no».

I r(če) Avraam' k' Mihovilu:

«Proš'u te da hi me dovel' na sud'ne mes'to, da viju, k(a)ko sudac' sudit' eis».

Tagda Mihovil' / poč'u Avraama

i vede ga na mes'to, kadi

sudac' suditi (t). I s'liš'a z. (=1)

d(u)š'u vap'juč'i v' rukah' i g(lago)l(e)t'i:

«P(ri)mi(i)hi me, G(ospo)đ(i)nc'».

I r(če) sudac':

«K(a)ko te hođi p(ri)mi(i)(o)v(a)ti,

a ti h'čere s'voe ne pomilova, na vs'ta na plod' ē' r'eva i pogubi ju».

A ora d(u)š'u r(če): «Ne pogubi't' na okl(cy)l'e-tana es(u)mi».

I r(če) sudac':

«Prinesite d(č)la sie d(u)š'e napisanu».

I v' tam časi pride herofim', nose

k' nige d'voe.

I hiše s' nim' / m(u)š'i velik'. Imee na gl(a)vi svoei venac'.

I sego muža z'va / na poslušanie.

I dr'ž'že n(u)š'a ta trest' zlatu.

Сказал же Михаил: «Да, можешь».

И заплакал Авраам, говоря: «Оре мне, что я сделаю. Я — человек с тяжелым телом, да не смогу

пролезть через телные ворота. Не могут в них [пролезать люди], разве [только] дети эти, лет десяти».

И сказал Михаил ему:

«Ты один пролезешь, и [также] все полюбивые тебе, и многие из мира этого».

Сквозь же широкие ворота идут на смерть».

Стоит же Авраам и удивляется.

И [ищит] в то же время, вот ангелы топят душ 70 000.

одну же [ангел] держал рукою своею.

И кончили 70 000 всех в ворота, ведущие на смерть, и вошли в них в [ворота]

Сказал же Авраам: «Неужели эти же идут на смерть?»

Отвечал же Михаил и сказал:

«Смерть ведет их на судное место, ну ет, судит их судья».

Сказал же Авраам Михаилу:

«Хочу [чтобы] меня довел до судного места, чтобы я видел, как судит».

Тогда Михаил сказал Аврааму: «Пойдем, Авраам, [туда], где есть рай».

И когда дошли до места, где ж[е] был судья, услышали

душу возниющую, в муках кричащую и говорящую: «Помилуй меня, Господи».

Сказал ж[е] судья ей:

«Как тебя, душа, [можно] хотеть помиловать, ибо ты не сотворишь милости, не помиловала никого из убогих».

но встала на шод чреда светого и с' убила себя».

Отвечала ж[е] душа та и сказала: «Не совершила я убийства, но обогнала меня».

Судья ж[е] сказал:

«Принесите описание воступков, которые не должны быть забыты».

И херувим принес

две книги,

был ж[е] муж с ним венки очень, имел на голове три венки.

Один же венец был вытеc другого.

Этот ж[е] муж на свидетельство пошел. И держал муж этот в руке своей трость золотую».

I (eće) k' ni / sudac': «Naidi grēhi d(u)še sie». I naz'gmuše k' n'ge. ke noš'že herofim'. I v' tom' časī nauđuše grēhi d(u)še tee.

I (eće) / «O d(u)še okan'na, k(a)ko to gov(o)riš'i da ne sagrēs'ih'. Nēsā li ju / šad'li po sem' ti muža svageo i s' v(o)riš'a si bladi. / s' mužem' drugim'. I kēr' dobi v' si pogubila». I druže grīhi te nauđuše, ke b(ō)še učinila. I ne is'povēdala // v' živōtē buduč'is.

Slišav' si sie, ta d(u)š'i v'zvapi g(l)agele. / «Oju gore man' okan'noi. zabih' bu v' se grīhe n'ec n'povēdali, v' tel' buduč'.

a zaki viju, da ih' ne zabivaju». I v'z'eše d(u)š'u tu, slugi d' evli. I vnesoše ju v' muku v'č' / auju

I (eće) Avraam. k' Mihailu. «G(ospod)j. kto e(st)a si sude. I g'do od'govara sudi, bo ne sudiš' od'govara».

I (eće) Mihail' / ka Avraama «Vidiš' li sudiju. Se e(st)a. Avch, najpvi m(u)č(e)n(ik)o, /

koga Kama brati ubi. I se Onih'o e(st)a o(s)k'ju tvoj, si uč'itih. e(st)a nel'ežaki, i knuče».

Pusti ja G(ospod)j'm. Simu da is'pituel' bez(a)k(o)nie i ri(tu)st'je d(u)š'ali. čenih'».

I (eće) Av'raam k' Mihailu. «Može li Enoh' napisati čenā d(u)š'i. li otgovarati v' simu d(u)š'am?»

I (eće) Mihailu. «Ako k' rivo otgovarati', ne dū' mu taia G(ospod)j'na. n'ec. Eida) i otgovarac, tako e(st)a. B'rdai / napisati potv'č'en'e. Izmoš' bo se Enoh' ug(o)ldna ne / (...) h'ov' otgov(ar)ati d(u)š'am, da nikomure tezak ne b'uh'».

I (eće) G(ospod)j. Enohu. «Zapov(e)duju ti da pišeš'i grēhi d'loveč'jkie /

Ako predna obrēčesi, nega bl'agovo)vi».

Ako ti grēs'ia obrēčesi / i grēhi ce napisati. I ludi' v' muke po dēlihu. svotih'a. /

I v'ze oblaku Avraama. I nese ja visoko na Evrd' o(e) b(e)šk'u.

I pogledav' Avraam. dol'i n' z'emlj'u. I vidi d'loveč'jka, b' h'udi. tv(ō)neč'i sa ženu m'isku.

I (eće) Avraam. k' Mihovitu. «Vidiš' li bez(a)k(o)nie sie».

I (eće) Avraam. «Da s' midet' ogan' / s' n(e) b(e)ne i pogubiš' ju».

I po tom' mēstē pride ogan' / s' n(e) b(e)ne i s'žga e.

И сказал судья ему: «Перечисли грехи этой души. И муж расарыл книги, [которые] принес херувим, и пописал рехи той души.

Отвечал муж тот и сказал: «О души оканная! Как говоришь, что не была рабой моею, не ты ли в силерях и нечестотях все дни твоей [жизни] жительство и в душевных грехах, и во всякой слабости? И всегда слабости ты творила каждый час после убийства тела своего».

Слышал же [с], душа эта начала вопить, говоря: «Горю мне, шибала все рехи, которые сотворила».

Здесь же их не забыло, И книги ее слыты, пописаны, и мучили [их].

И сказал Авраам Михаилу: «Господин, кто [это] судящий и кто отвечающий? Ибо, судящий не судит ли с отвечающим?» Сказал же [с] Михаил Аврааму: «Видишь ты судью? Это Авель, мучился первым».

Этот же отвечающий есть отец твой, Енох, то учитель, небесный и земной, привидный».

Пусть же [с] его сюда, пусть пишется злое дела и доброе каждому».

И сказал Авраам Михаилу: «Может ли Енох постигнуть, точнее души или отвечать [всем душам]?»

Сказал же Михаил: «Бези [Енох] неправильно отвечает, [но] не дадут [ответить] ему. Но не от себя Енох отвечает, а Бог повелевает ему отвечать. А то, что написать Еноху поручено, умолял же Енох Бога, говоря: «Ибо не хочу отвечать душам. Пусть для никого же не буду суровым». Сказал же Господь Еноху: «Велю тебе написать грехи в книги».

Если душа [будет] помилована, найдены грехи убитоженными, и войдет [душа] в жизнь».

Если же души не помилованы, найдены грехи ее написанными, и пойдет [душа] в муку».

И после [того, как] увидел [Авраам и Михаил] место и суд, принес их облик и твердь».

И посмотрел Авраам вниз, на землю, [и] увидел человека, творящего прелекбодящие с имужей женщиной.

И сказал Авраам Михаилу: «Видишь бесчестие это?»

Пусть соидет огонь с небес и уничтожит их».

I paki pog(e)da doli n' z(eml)ju Av'rama. / I vidi raz'bojnik'e v' pustini raz'bujuć.

I r(e)če k' / Mihailu: «Vidiš li bezakonie žid.
Da pridut / silni z'veri s' pustine i pogubit' v'ac». /
I v' ta čas' pridose / z'veri sil'ni s' /
pus'tine. Lavi i medvidi.

I rastraže, i pogubiše raz'bojnik'e v'se.
A put'nici nimo idose. /
Ino r(e)č'e H(e)g' k' Mihov(i)lu: «Ob'rat'i /
Av'rama i poš'b doli na z(eml)ju opet' /

ne dai mu obrizati v'su z(eml)ju. Ako /
li pogubit' v'se ljudi) te, / ke č /
stv(o)rih».

neće pomilov(a)ti nikoga, koga vidi z'lo /
činca. / A z' stv(o)rih' e(p) /
blagosloviti, a ne prokleti.

Eda k(a)ko obratet' se i pokajut' se /
gr(e)h' svoih. Ako ne č nima suju po d(e)l'ih /
nih muku / v'eč'njuju.

I v' ta čas' obrati Mihailu. Av'rama doli n' /
z(eml)ju. /

Kada um'ri Sar'a, žena nega i pogrebe ju /
Av'ram' na seč' / svoem'.

I potom' b'e, kada s'končaše se d'm /
Av'ramovi r(e)č'e / G(e)spod)u. k' /
Mihailu:

«Kako ne a'mi smrtu k' Av'ramu, kako /
ka inonui / č(love)ku, d'rug' bo mi e(st)». /
I r(e)č'e:

«Da ukrasiš' smrt' t' krasot(o)ju /
mnogoju. I pris'ti ju k' Av'ramu, da ju /
vidi očima s'voima».

I ukras' Mihailu smrt' t' krasotoju /
in'ogotoju, d'ragimi kamci / da se s'eše /
krasnu. I l'pa vel'mi.
I pris'ti ju k' Av'ramu. /

I vidiv' Av'ramu pris'tupiv'šu k' nemu /
smrt' t' v'zboč'e se z(č)lo.

I r(e)č'e ei:
«M(o)l)ju ti, se skazi mi, ča esi ti.
I otdi ot m'ene, are otkle te vidih', /
u'zasei' se d(u)ša moe z(č)lo».

Сказал Господь Михаилу: «Как же сказал Авраам, сделай ему, ибо друг он мне». И сказал ему Михаил опити: «Смотри, Авраам». И увидел [Авраам] других, живущих человек в крови. И сказал Авраам: «Пусть развернется земля под ними». И в тот же час [они] [прокажились].

И опити сморити Авраам и увидел казих-то [людей], идущих в пустыне убивать человека, прибежи творить.

И сказал Авраам Михаилу: «Видишь бесчистство это?»

И вели, пусть придут звери из пустыни и погубят их». В тот же час пришли звери

из дубравы и съели их.

Сказал же Господь Михаилу: «Верни Аврааму на землю, сделай так воши мнози, творящих злое. И погубит землю всю. И не дай же] ему обойти всю землю, которую я сотворил.

Ибо [Авраам] не милует никого, потому что не создал их.

И может [люди] рыскаются в грехах своих и спасутся».

В тот [же] час вернул Михаил Аврааму на землю.

И пришел Авраам в дом свой, где ж[e] жил. [Тогда умерла жена его Сарры] и похоронил ее Авраам в городе Авреке в земле Хананейской.

О смерти Авраама.

Когда же уменьшились дни Авраама, и сказал Господь Михаилу:

«Пусть не смеет смерть приступить к нему, чтобы душу его взять, ибо он друг Мне.

Но иди укрась смерть красотой великою и направь ее к Аврааму».

Увидел же Авраам смерть, приступившую к нему, испугался очень, и сказал Авраам смерти:

«Молю тебя, скажи мне, кто ты. И отойди от меня. С тех пор как увидел тебя, приступившую ко мне, смутилась душа моя по мне

Eda / nisam dostojn' (e)be viditi.
Eda ti esi d(ž)bi, I o(ž)idi ot' mene.
A časam' plit' i kr'vi.
I zato ne mogu trpiti l(ě)poti tvoce.
Viju l(ě)potu tvoju, k(a)ko n(ě)st' ot' mira
sego.
I (e)ce) se/mi't' k Avramu:
«Va v' tet' i' vari, ku B(og)u siv(ot)ri, ne
ob(ě)te se nig'dine podob'na (e)bi.

Pois'ka bo B(og)u, v' anj(e)lhu
i / v' z(lově)čhu, i v' vlasteh' v'seh'.

I ne obrete se podoban' / (e)bi.
I (e)ce) Av'tam' k' sem'i'ti:

«Ča'to viju l(ě)potu tvoju // k(a)ko ni ot'
mira sego.

I (e)ce) ku Avramu:
«M'niši li, da l(ě)potu moč' / č'vlat' se
v'sim', k(a)ko (e)bi
Bi č'd'na ič' n(ě)st' straš'nič' mne».

I (e)ce) Avramu: «Pokaži mi se
m(o)lju te gdo esi ti. /
R(e)č'e sem' ti, «I samu gar'kov' ime, č'
samu, plač' i žalost' / č' samu, pogibel'
v'sem' ljudem.
I samu smrt' s' traš'nač', raz'lučaju
d(u)že ot' (e)lese, ni miluju m'lada, ni
s'tara. Ni se otkupe gospoda zlatom', ni
stebrom', ni župa/ni, ni sud'ci. V'se žan'u.
R(e)č'e Avra)mu: «Ti esi smrt'.
Možet' li ti d(u)že ot' (e)lese razlučit'».

R(e)č'e smrti:
«Ne č'v'lu se ovako nikomure.

Da ako gdo pri(v)idni e(stu), tomu se
č'vju, k(a)ko /
I (e)bi, prič'mu pravu veru.
I stv(ot)u ven'č'e i polag'aju na gl(au)vu
moju. I idu (o)mu
s' strahom' velikim'».

I (e)ce) / Avramu smrt'i: «Da ukáži mi se
molju te g'n(ě)vom' tvoim', / k(a)kova
esi».

Да я не так достоин тебя,
Ибо ты помазанник великий,
а я — плоть и кровь.
Ради этого не могу терпеть славы твоей.
Ибо вижу красоту твою [и понимаю],
что [она] не от мира этого».
И сказала смерть Авраму:
«Говорю тебе, [что] из всех творений,
которые создал Господь, не найдется
подобного тебе.
Ибо помазал я в архистелах,
и в начатах, и во властах, и в
престолах, и во всех живущих на земле
и в водах,
не найдется подобного тебе».
И сказал Аврам смерти:
«Сказала [ты].
Я же вижу красоту твою, что не от
мира этого».
Сказала же смерть:
«И ты подумал, что представляешь себе
красоту мою или могу такой
приукрашенной быть для всякого
человека?»
И сказал ей Аврам: «Да тебе добро это
все?»
И сказали смерть: «Никто же выбрал
меня».
И сказал [ей] Аврам: «Скажи мне
правду, кто ты?»
[Смерть сказала] «Я — горестное имя,
и — ищущая, я — погубитель всем
человеческим».

Сказал Аврам ей: «Ты ли это, смерть?
Можешь ли [ты для] всех сделать [так], что-
бы у них душу из тела вывести?»
И сказала смерть Авраму:
«Представилась ли эту мою красоту
[что она для тебя], или и такой всем
известна?»
Но если же кто праведный, [то тому],
любившему добрые дела,

создадут венец и возлагают на голову моею
и идут к нему с таким поклонением повинно-
весна. Но если [человек грешник], все гре-
хи его [собирают и] создают венец и возла-
гают на голову моею с великим страхом.
И устрашаются его [грешники] очень».
И сказала ей Аврам: «Покажи мне отноше-
ние твоё к человеку, таким же образом
[ты творишь] глупость каждого».

I v toni časé ot'ne smrti, lepotu ot
sebe /

I čvi mu se gné(ó)ny svoim.

Tako mu čvi. Imiše gl(a)ve mnoge. I na
gl(a)ve imihu lica zmiev' / zač' množ ot' žmi-
ev' pogihajut'. I druge gl(a)ve lice imihu kako
kop'ě boštrana. Zato imozi ot' kop'ě umira-
juti. / I ti v'še gl(a)ve lica imihu ogan'na. I be-
hu gl(a)ve one p'č'la čr'ne i tim' sumporom'
ogan'nam. iz ust dihašu / zubi nátri k(a)ko
grebeni imjuči. I z n(o)ždrú dvi znie /
podnimahu. Ozi ince gorahu sumporom' na
čelstú / nuge imelú stráne iz n(o)ždrú čd' i če-
nier' stgove, i uA...) gnozi s' velikim' smradom
rigate. I tac sed /

И отделила [смерть] проявление
правдыности Авраама от себя, и
показала ему, что он захотел видеть.

И так показала ему, что имела многие го-
ловы, одни же [из них] были головы змеи-
ные, и поэтому многие умирают от змеи-
ных жмев, другие имели лица, и поэтому
многие умирают от дущей, а другие же — от
многих умиранных [пыток]. И так и яв-
лась ему [Аврааму] таким же образом. А
одни [же] имели огонь.

SUMMARY

The article is dedicated to a Glagolitic version of the apocrypha of Abraham's death. A comparison of the Glagolitic text with the Cyrillic of this subject shows their genealogical propinquity that allows to say of common source of their origin.